

ИЗВѢСТІЯ ПО ПЕТРОГРАДСКОЙ ЕПАРХІИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ ОБЩЕСТВОМЪ РАСПРОСТРАНЕНІЯ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ДУХЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Разсылаются при журналѣ „Воскресный Благовѣстъ“, еженедѣльно.

Годовая цѣна Воскреснаго Благовѣста—3 руб., съ Извѣстіями—6 руб.

Отдѣльно на Извѣстія подписка не принимается.

№ 4.

23-го Января.

1915 г.

ОТДѢЛЪ ОФИЦИАЛЬНЫЙ.

Распоряженіемъ Епархіальнаго Начальства, отъ 13-го января 1915 года, исполненіе обязанностей благочиннаго по VIII столичному округу, за заболѣвшаго протоіерея Острогорскаго, возложено на помощника благочиннаго сего округа протоіерея Крестовоздвиженской, на Петроградской сторонѣ, церкви Николая Орлова.

Утверждены: въ должности старостъ: 9 января—мѣщ. П. Федоровъ—церкви общества рел.-нрав. просвѣщенія въ с. Александровскомъ, Петроградскаго у.; кр. В. Георгіевъ—Сарской церкви, Новолад. у.; кр. И. Федоровъ—Заклинской ц., Лужскаго у.; кр. А. Щепкинъ—Царскославянской цер., Царскосельскаго у.; купецъ В. Савинъ—Петроградской Преображенской, у Московской заставы, церкви.

Определены: 12 января—исп. об. псаломщика

при Казанскомъ соборѣ пѣвчій Казанскаго хора Василій Кожевниковъ—на пономарскую вакансію къ Исаакіевскому собору; окончившій курсъ Петроградской семинаріи Сергѣй Богдановъ—псаломщикомъ къ Пенинской церкви, Гдовскаго у.; бывшій воспитанникъ Петроградской семинаріи Кронидъ Шотовскій—псаломщикомъ къ Θεодосіевской церкви, Гдовскаго у.

Перемѣщены: 12 января—псаломщикъ Пенинской церкви, Гдовскаго у., Иванъ Зимневъ—къ Петроградской Гутуевской церкви, согласно прошенію.

Уволены: 12 января—псаломщикъ Θεодосіевской церкви, Гдовскаго у., Веніаминъ Быстряковъ—отъ означенной должности псаломщика, согласно прошенію.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ.

Какимъ-бы долженъ быть епархіальный органъ.

Петроградскимъ Епархіальнымъ Извѣстіямъ, какъ и вообще всякому епархіальному органу, предстоить очень трудная задача. При массѣ изданій, газетъ, журналовъ, при томъ сравнительно дешевыхъ, такъ какъ имѣютъ массы

подписчиковъ и крупныя матеріальныя средства, епархіальныя извѣстія съ какими-нибудь 500—600 подписчиковъ съ годовымъ бюджетомъ въ 1500—1800 р., должны выбиваться изъ послѣднихъ силъ, чтобы дать на страницахъ своихъ матеріаль и интересный, и полезный.

Какъ органъ мѣстный, имѣющій значеніе

главнѣе всего для петроградской епархіи, Извѣстія могутъ посылить свою задачу только при содѣйствіи непосредственныхъ наблюдателей жизни населенія петроградской епархіи, прежде всего духовенства въ цѣломъ его составѣ и дѣятелей церковныхъ школъ. Къ сожалѣнію, эти дѣятели, повидимому, совершенно равнодушно относятся къ своему епархіальному органу печати, считая его какимъ-то исключительно „казеннымъ“ дѣломъ. Но именно это равнодушіе и дѣлаетъ Извѣстія казеннымъ органомъ. Лишенная связи съ непосредственными наблюдателями жизни населенія, не получая отъ нихъ никакого матеріала, редакція Извѣстій поневолѣ должна наполнять журналъ только оффиціальными и полуоффиціальными свѣдѣніями.

Для того, чтобы этого не было, чтобы епархіальный журналъ могъ съ возможною полнотою и всесторонностью отражать на своихъ страницахъ характерныя черты по преимуществу религіозно-церковнаго быта православнаго населенія петроградской епархіи, редакція необходима всегда цѣнная помощь со стороны духовенства и церковно-школьныхъ дѣятелей, какъ непосредственныхъ свидѣтелей жизни населенія во всемъ ея разнообразіи.

Во имя общей пользы духовенству слѣдовало бы помочь редакціи придать Извѣстіямъ тотъ характеръ, какой они должны имѣть по существу своей задачи, т. е., характеръ журнала, освѣщающаго мѣстную общественную и народную жизнь по преимуществу съ церковно-религіозной ея стороны.

Для такой помощи требуется одно: пусть священники, о.о. діаконы, псаломщики, учителя и учительницы церковныхъ школъ сообщаютъ редакціи всѣ тѣ факты народной жизни, которые кажутся имъ заслуживающими общаго вниманія, всѣ свои наблюденія, сомнѣнія, вопросы. Несомнѣнно, редакція все это приметъ съ благодарностью и насколько возможно используетъ. Конечно, имена авторовъ сообщеній, если они того пожелаютъ, должны составлять полный секретъ редакціи.

Для такой работы и время теперь особенно благоприятное.

Все общество, благодаря войнѣ, живетъ усиленнымъ интересомъ ко всему родному русскому. Корень всего русскаго лежитъ, несомнѣнно, въ нашемъ народѣ, гдѣ, по выра-

женію И. С. Аксакова, „есть жизнь своя, своеобразная, подземная, такъ сказать, и почти незамѣтная нашему глазу“, совершающаяся „внѣ жизни общественной“. А знаемъ ли мы свой народъ? Можемъ-ли сказать, что понимаемъ душу народную, несмотря на почтенное количество трудовъ—и научныхъ и беллетристическихъ, — касающихся понятій народа, его вѣрованій, быта, привычекъ? Къ сожалѣнію, особенно остроуму въ нынѣшніе дни, мы не можемъ хвастать серьезнымъ вниманіемъ къ особенностямъ народнаго духовнаго склада. Ближе другихъ знаетъ народъ духовенство. Но его знаніе остается большею частью при немъ, почти не проникая въ кругъ общественнаго вниманія.

И духовенство сдѣлало-бы несомнѣнно большее дѣло, дѣлясь своимъ знаніемъ народа, своими наблюденіями въ этомъ отношеніи на страницахъ епархіальныхъ извѣстій.

Не принимая на себя задачи указывать исчерпывающимъ образомъ всѣ тѣ факты и явленія народной жизни, которые заслуживали-бы широкаго общественнаго вниманія, мы позволяемъ себѣ упомянуть объ одной сторонѣ народнаго быта, полной, по нашему мнѣнію, глубокаго значенія, при изученіи народной психологіи.

Извѣстно, что въ народѣ до сихъ поръ существуютъ обряды и пѣсни, сохранившіеся въ иныхъ случаяхъ отъ глубокой, даже языческой старины, которыми народъ сопровождаетъ важнѣйшія событія въ жизни человѣка—рожденіе, бракъ, смерть. Обряды эти часто трактуются только какъ пережитки, ничего общаго неимѣющіе съ современнымъ народнымъ міровоззрѣніемъ и сохраняющіеся только силою привычки. Во многихъ случаяхъ это, конечно, такъ, но во многихъ, можетъ быть, и не такъ. Многое, что жило въ быту народномъ ранѣе, теперь исчезло почти безъ слѣда, многое приняло инныя формы, получило иной смыслъ. Но много живетъ до сихъ поръ въ старыхъ формахъ и какими-то непонятными путями связывается въ народномъ умопредставленіи съ понятіями христіанскими.

Изученіе народа съ этой стороны, стремленіе уяснить его міропониманіе, помимо широкаго общественнаго интереса, сослужили-бы хорошую службу и самому духовенству. Задача пастырства состоитъ въ томъ, чтобы работать надъ созданіемъ въ народѣ христіан-

скаго ума и христіанской совѣсти. И факты связи въ народномъ уопредставленіи понятій христіанскихъ съ воззрѣніями отдаленной языческой старины, при изученіи психологической основы такой связи, указали-бы, можетъ быть, тотъ путь, который ближе и вѣрнѣй ведетъ къ народной душѣ.

Н. Н.

Отъ редакціи.

Редакція вполне присоединяется къ пожеланіямъ автора статьи. Съ удовольствіемъ она дастъ мѣсто на страницахъ Извѣстій подходящимъ статьямъ на указанныя темы. Конечно, всѣ напечатанныя статьи будутъ своевременно оплачены. Вообще для редакціи въ высшей степени желательно имѣть сообщенія съ мѣстъ о мѣстной церковно-приходской жизни. Извѣстія въ значительной степени выполнили бы свою задачу, если-бы съ теченіемъ времени въ отдѣльныхъ статьяхъ, сообщеніяхъ, письмахъ дали картину и церковно-приходской жизни и жизни сельскаго духовенства съ ея тяжелыми нуждами и скорбями. Въ частности весьма желательно было-бы имѣть сообщенія о сектантствѣ на мѣстахъ и борьбѣ съ нимъ. Имена авторовъ сообщеній, если бы они того пожелали, конечно, будутъ сохранены въ строгомъ секретѣ...

Великое сокровище.

„Скажи, чтобы камни сіи стали хлѣбами“, говорилъ Христу дьяволъ, искушая Его въ пустынѣ послѣ подвига сорокадневнаго поста. Т. е., говорилъ какъ бы такъ: обрати Твою чудодѣйственную силу на насыщеніе человѣчества, не спасеніе вѣчное, а сытость даруй человѣческому роду.

„Не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ“, отвѣтилъ Христъ, „но о всякомъ словѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“ (Мѡ. 4, 3—4).

Есть въ человѣкѣ другая жизнь, высшая жизни тѣлесной, жизнь духовная, которая также требуетъ питанія, какъ и тѣло. И если тѣло безъ пищи существовать не можетъ, умираетъ, такъ же замираетъ и духъ человѣка.

Человѣкъ безъ совѣсти, безъ правды, жестокой злодѣй, извергъ—мертвъ духовно. Искра Божественная, возженная благодатію Божіею въ сердцѣ его, угасла въ немъ... Смерть вѣчная въ душѣ его, а съ нею и неразлучная вѣчная погибель.

И со всякимъ человѣкомъ такъ будетъ, если онъ не будетъ питать душу свою.

Пища же для души нашей—Божественная плоть и кровь Господа нашего Иисуса Христа, преподаваемая намъ въ великой тайнѣ Причащенія, и Его Божественное Слово. И какъ христіане принимаютъ Божественныя тайны, также должны они непрестанно проникаться черезъ слушаніе и чтеніе Словомъ Божественнымъ.

Особенно должно быть дорого для христіанина Святое Евангеліе. Въ немъ заключено вѣчное слово Самого Господа Иисуса Христа. Великое сокровище, великая святыня сія Божественная книга. По слову св. Іоанна Златоуста дьяволъ не дерзаетъ и проникнуть въ тотъ домъ, гдѣ есть Евангеліе. Если люди знаютъ о любви, о правдѣ, о кротости, то только отсюда приняли сіи Божественныя истины. Отсюда все чистое и высокое въ мірѣ. Это источникъ воды живой, пьющій которую не будетъ жаждать во вѣки, не будетъ томиться мучительнымъ и безплоднымъ исканіемъ истины, ибо будетъ въ спокойствіи и радости духа обладать сею истиною. Послушай, что говоритъ святой Златоустъ: „Есть у тебя Слово Божіе,—никто не научитъ тебя, какъ оно... Постигнетъ ли тебя скорбь, притекай къ нему, какъ къ сосуду, наполненному цѣлебнымъ веществомъ. Случается ли утрата, смерть, потеря ближнихъ, — оттуда почерпай утѣшеніе въ своемъ несчастіи. Или лучше, не принимай только къ нему, но принимай его всецѣло и храни въ своемъ умѣ. Отъ незнанія Свящ. Писанія всякое зло. Безъ него мы выходимъ на войну какъ бы безъ оружія. И какъ намъ спастись? Легко спастись съ Св. Писаніемъ, а безъ него невозможно“ (Кн. 21, стран. 432).

Но многіе-ли изъ православныхъ читаютъ сіе сокровище? — Увы, больше, пожалуй, такихъ, которые вовсе даже не имѣютъ у себя сей святой книги. Какое непростительное нерадѣніе! Если бы гдѣ нибудь слѣпымъ давали зрѣніе, какъ устремились бы туда несчастные слѣпцы... А если среди окружающей насъ

непроницаемой тьмы заблуждений, злобы, лжи, преступлений Церковь предлагаетъ намъ чистый свѣтъ Св. Евангелія, мы совершенно холодны и равнодушны. Святой крестъ и святую икону каждый христіанинъ имѣетъ, а Св. Евангеліе, бываетъ, что христіанинъ всю жизнь не держалъ даже въ своихъ рукахъ. Не безумство ли это? Удивляться ли послѣ этого разложенію жизни христіанской, разливающемуся повсюду пьянству, разврату, преступленіямъ? Не устоитъ домъ, какъ рушится основаніе его. А Св. Евангеліе подлинно есть основаніе всей жизни христіанской. Никакія мѣры, никакія законы не устроятъ жизни общественной, если христіанами пренебреженъ будетъ и забытъ единственный Божественный Евангельскій законъ любви и правды.

Добрый христіанскій воспріемникъ, воспринимая отъ купели, ты предъ Церковью и Богомъ ручался за вѣру воспринимаемаго тобою. По доброму христіанскому обычаю ты приносилъ крестъ для возложенія на шею его. Но вручилъ ли ты ему въ свое время Св. Евангеліе, научилъ ли читать сію святую книгу? А если воспринятый тобою всю жизнь не зналъ ея? О, не думай, что ты не отвѣтишь за то въ свое время предъ Господомъ Богомъ.

Добрые христіане!

Будемъ все имѣть сію святую книгу, будемъ непрестанно читать ее, и тогда благодатію Божіей и жизнь свою устроимъ и вѣчное спасеніе получимъ.

Прот. *Евг. Кондратьевъ.*

Война и развлеченія.

Ветхозавѣтный мудрецъ учитъ, что „всему свое время подъ небомъ: время плакать и время смѣяться, время сѣтовать и время плясать“, и что на его благосудный взглядъ—„сѣтованіе лучше смѣха“, а потому—„сердца мудрыхъ—въ домѣ плача, а сердца глупыхъ—въ домѣ веселія“ (Еккл. III и VII). А иные мудрецы нашихъ дней полагаютъ, что сѣтованіе—опасное, грѣховное чувство даже и въ такое нерадостное время, какъ война. Не безъ удивленія прочиталъ я въ одной столичной га-

зетѣ горячую, даже страстную апологію *) развлеченій во время войны. Публицистъ сурово хмурится на людей съ повышенной нервною, зоветъ „ригористами“ тѣхъ, кто смѣетъ думать о неумѣстности развлеченій, театровъ, вечеринокъ, концертовъ, роялей, скрипокъ, улыбокъ и смѣха—во время тяжелой, небывалой даже въ исторіи войны нашей съ могучей тріадой злыхъ недруговъ. Ему, публицисту, нравятся люди „иной психологіи“, которые могутъ и во время войны сохранить „нормальный ходъ жизни“, которые способны и во время войны „жить такъ, какъ жили до войны“. Эта способность неизмѣнять старыхъ привычекъ во время войны есть будто бы „драгоценная способность“ ибо „измѣненіе привычныхъ условій жизни губительно дѣйствуетъ на настроеніе массъ. и прежде всего подрываетъ ихъ работоспособность“... „Не дай Богъ, вопіетъ публицистъ, чтобы подобное движеніе, поднятое „ригористами“, проникло въ общество“: „оно составитъ величайшее бѣдствіе“, такъ какъ будетъ свидѣтельствовать о томъ, что русскій народъ во время войны или вслѣдствіе войны поддался грѣховному, опасному чувству *унынія*“... „Невоющая Россія, — продолжаетъ апологетъ развлеченій, есть надежный и отвѣтственный тылъ арміи. Хорошъ же тылъ, пораженный уныніемъ, разслабленный какимъ-то ханженствомъ и подъ видомъ скорби за убитыхъ воиновъ дрожащій за собственную шкуру“... Если бы спросить воюющихъ отцевъ и братьевъ, они непременно, увѣряетъ публицистъ, отвѣтили бы намъ: „преждевременно грязнуть въ уныніи и посыпать голову пепломъ, и — нѣтъ-де надобности въ ханженствѣ, ломаніяхъ и кривляніяхъ, такъ какъ не этимъ, а какимъ-то инымъ путемъ приобретаются твердость и бодрость духа“...

Стало быть, пока надъ Россіей не летаютъ зловѣщія птицы—вороны, а летаютъ невѣдомо какія „другія птицы“,—законно и праведно дать неунывающимъ Россіянамъ „разрѣшеніе на вся“, держась принципа: „вольному—воля, спасенному—рай“. Чувства, изволите видѣть, должны быть свободны. Они—морализируетъ газетный психологъ—перестанутъ быть чувствами, если ихъ одѣтъ въ

*) Написана была эта апологія въ то время, когда война успѣла уже ясно выявить и обычные для нея ужасы, и необычныя звѣрства нашихъ враговъ.

присвоенный мундиръ и застегнуть на всѣ пуговицы“. Естественная стихія ихъ—свобода: „никого силою не загоняютъ въ театры, *нелѣпно* (какія крупныя словеса!) было бы загонять всѣхъ во время войны по домамъ и держать мирное, спокойное населеніе городовъ въ осадномъ положеніи (выходить, что осадное положеніе всегда—„нелѣпно“, ибо вѣдь въ осадномъ положеніи держатся и мирные граждане, спокойные города—*въ ожиданіи* осады ихъ непріателемъ).

Итакъ, не стѣсняйте ничьей свободы: пусть каждый обыватель выбираетъ себѣ по вкусу и развлеченія, и занятія во время войны. Повѣрьте, убѣждаетъ насъ публицистъ, что найдется немало россиянь, которые съумѣютъ совмѣстить даже „*неутѣшныя*“ (!) слезы, панихиды, домашнія молитвы за воиновъ, на полѣ брани животь свой положившихъ,—совмѣстить съ игрою въ карты, съ посѣщеніемъ концертовъ, съ заглядываніемъ „въ веселую оперетку“...

Ригористамъ дается совѣтъ отъ благодушно настроеннаго апологета „веселыхъ“ развлеченій—при „неутѣшныхъ“ слезахъ—взять себя въ руки, прекратить шалости нервовъ и оставить при себѣ „странную манію“—печалиться во время брани“... Такова апологія веселія и обычнаго времяпровожденія—въ невеселое и ненормальное время войны!

На чьей же сторонѣ больше правды: на сторонѣ ли оптимиста—апологета развлеченій или на сторонѣ ненавистныхъ ему „ригористовъ“, дающихъ мѣсто и слезамъ и сѣтованію—унынію? Мнѣ думается, что глаголемые „ригористы“ не заслуживаютъ упрековъ и бичеваній уже потому одному, что на ихъ сторонѣ такой величайшій авторитетъ, какъ авторъ священной книги „Экклезіастъ“.

Спору нѣтъ, что намъ нужны мужество, бодрость духа, но естественны для насъ и сѣтованія и уныніе. Дѣло въ томъ, что есть уныніе и уныніе. Есть уныніе—грѣховное, достойное порицанія, и есть уныніе—безгрѣшное, безупречное. Грѣховное уныніе, перешедшее въ отчаяніе, въ состояніе полной безнадежности, когда унывающему человѣку мнится, что нѣтъ для него путей къ свѣтлому, радостному будущему, что онъ вотъ сейчасъ низринется въ зіяющую подъ ногами пропасть и навѣки исчезнетъ въ ней... Но есть уныніе, которое естественно рождается

въ живой душѣ на почвѣ тяжелыхъ жизненныхъ коллизій, въ черные дни жизни, но безъ оттѣнка отчаянія, съ просвѣтами въ свѣтлые дни. Есть психологи-моралисты, которые думаютъ, что *отчаяніе* и можетъ и даже должно сдѣлаться переходною ступенью къ спасенію, если человѣкъ отчаявается только въ себѣ, въ своей собственной силѣ, но не отчаявается въ силѣ Божіей. Мало того, не безусловно, а относительно нравственной человѣкъ даже *долженъ* наконецъ отчаяваться въ себѣ и взывать съ апостоломъ: „о, несчастный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти (Римл. VII)!“ Въ этомъ выраженіи глубочайшей беспомощности нѣтъ все-таки грѣха, ибо у беспомощнаго таится въ душѣ надежда на то, что невозможное для человѣка—возможно для Бога. За отчаяніемъ тутъ видно спасеніе (Мартенсенъ).

Не кощунственно сказать, что и величайшій страдалецъ, Христосъ Господь испыталъ въ саду Гевсиманскомъ чувство, близкое къ унынію, когда среди скорби и тоски сказалъ Своимъ ученикамъ: „душа моя *скорбитъ смертельно*“,—когда въ тяжеломъ бореніи и прилежной до кроваваго пота молитвѣ взывалъ къ Отцу Небесному: „Отче, о, если бы Ты благоволилъ пронести чашу сію мимо Меня“ (Мѡ. XXVI, Лук. XXII). Но, разумѣется, въ этой скорби смертельной, въ этомъ тяжкомъ уныніи Божественнаго Страдалца не было и тѣни отчаянія, не было намека на желаніе уклониться отъ подчиненія волѣ Бога Отца. Было тутъ нормальное, естественное явленіе: живое сердце по живому и чувствовало!

И апостоламъ Своимъ Господь обѣщалъ въ жизни не одни радости, а обѣщалъ и скорби: „вы печальны будете“, но печалію не безнадежною, ибо „печаль ваша въ радость обратится“ (Іоан. XVI). И никто въ мірѣ семъ, во злѣ лежащемъ, не проживетъ безъ печалей, иногда тяжкихъ, смертельныхъ, когда естественно [забыть не только о развлеченіяхъ, объ опереткахъ, да о пирушкахъ—веселыхъ и безпечныхъ, но и о хлѣбѣ насущномъ, о дѣлѣ неотложномъ, о снѣ, объ отдыхѣ... Мать мучится въ долгихъ мукахъ рожденія... Въ когтяхъ злого недуга задыхается дорогое существо,—чуется вѣяніе холодной смерти... Неужели въ эти трагическія минуты для нашихъ ближнихъ найдутся охотники до личнаго ихъ веселія, которые не погнушаются

среди стоновъ и страданій ближняго услуждать себя, положимъ, „несравненными рябиновыми или коньяками Шустова“ и иными гадостями—въ веселой компаніи съ пріятелями и пріятельницами? Неужели отыщутся человѣкообразные раритеты, которые среди ненормальной обстановки смогутъ жить и чувствовать нормально? А война—явленіе ненормальное. Во время войны *преступно* жить нормальною жизнію не только воинамъ, но и невоюющимъ сынамъ родины, объятай пламенемъ войны, если у этихъ сыновъ бьется въ груди живое сердце, а не камень безчувственный помѣщенъ вмѣсто сердца... Но до другого раза...

Прот. Н. Дроздовъ.

Война и Петроградское духовенство.

Казанскій Соборъ.

Когда разразилась гроза съ Запада и всколыхнула всю Русскую землю, вставшую, какъ одинъ человѣкъ,—за вѣру, Царя и Отечество, славянскій—Петроградъ, тогда еще носившій имя нѣмецкаго бурга, вопреки своей репутаціи холоднаго города, вдругъ закипѣлъ гнѣвомъ на врага, любовію къ родинѣ, готовностью отдать все свое достояніе на алтарь Отечества. Очевидцы не забудутъ трогательнѣйшихъ, незабвенныхъ июльскихъ манифестацій на улицахъ города, на Дворцовой площади, у Казанскаго собора, въ особенности здѣсь, въ сердцѣ Петрограда, у дома Царицы Небесной,—колоннадами своими, какъ бы распростертыми руками, зовущаго всѣхъ подъ свои своды, подъ кровъ Заступницы рода христіанскаго, къ Ея чудотворному ласкающему Лику. Здѣсь бьется пульсъ церковно-народной жизни въ години испытаній, грозъ и бурь народныхъ, какъ и въ дни торжествъ.

Со дня объявленія войны Австріей Сербіи, потомъ Германіей и Австріей Россіи, въ Казанскомъ соборѣ совершаются все-

народныя, во главѣ съ членами Св. Синода, моленія о дарованіи побѣды и благодарственныя за благословенный Богомъ успѣхъ русскаго оружія. Одно изъ такихъ моленій было совершено и 27 іюля, въ день тезоименитства Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича. Послѣ литургіи Его Императорскому Высочеству была послана телеграмма съ поздравленіемъ и пожеланіемъ успѣха въ ратномъ дѣлѣ, и Великій Князь Главнокомандующій изволилъ милостиво отвѣтствовать телеграммою на имя настоятеля собора: «Тронуть. Сердечно благодарю. Твердо вѣрю, что при заступничествѣ Казанской Божіей Матери одолѣніе врага обеспечено». Столь трогательная и крѣпкая вѣра Главнаго Вождя русскаго воинства, облеченнаго довѣріемъ Государя Императора, умилила соборянъ и подвигла ихъ на ежедневныя молитвы предъ Чудотворнымъ Ликомъ Богоматери о дарованіи побѣды Русскому воинству, съ возношеніемъ на ектеніяхъ имени Великаго Князя, а по мѣрѣ того, какъ развертывались событія, придти и другими способами на помощь государству въ удовлетвореніи военныхъ нуждъ.

Изъ служащихъ собора были призваны на войну протоіерей Т. А. Налимовъ, для исполненія пастырскихъ обязанностей при одномъ изъ полевыхъ подвижныхъ госпиталей, 11 соборныхъ пѣвчихъ и десять сторожей и дворниковъ. Причтъ принялъ на себя исполненіе обязанностей своего досточтимаго собрата, а всѣмъ служащимъ, призваннымъ въ дѣйствующую армію, сохранилъ содержаніе—семейнымъ полнотью, а холостымъ въ половинномъ размѣрѣ, удержавъ за ними и квартиры до окончанія военныхъ дѣйствій, при чемъ оставшіеся товарищи приняли на себя обязательство исполнять ихъ обязанности по собору. Независимо отъ того, какъ члены причта, такъ и всѣ низшіе служащіе, обязались удѣлять изъ своихъ доходовъ по 2⁰/₁₀ на военныя нужды на все время военныхъ дѣйствій.

10 августа въ Казанскомъ Соборѣ состоялось многолюдное собраніе прихожанъ для выбора предсѣдателя и членовъ Попечительнаго Совѣта для оказанія помощи семьямъ запасныхъ, призванныхъ на войну изъ района прихода Казанскаго Собора. Совѣтъ составилъ изъ 60 слишкомъ членовъ подъ предсѣдательствомъ настоятеля Собора, и тутъ же намѣтилъ двѣ задачи—помощь семьямъ запасныхъ и открытіе и поддержаніе лазарета Казанскаго Собора для раненыхъ нижнихъ чиновъ. Для той и другой цѣли нужны были средства, которыя рѣшено было добыть путемъ сбора въ Соборѣ по квитанціоннымъ книжкамъ и въ кружки, розданныя по магазинамъ. На призывъ Собора откликнулись богомольцы Собора какъ крупными пожертвованіями, такъ и мелкими, но многочисленными, въ общемъ давшими до сего времени около 22 тысячъ рублей.

Для исполненія первой задачи—помощи семьямъ запасныхъ совѣтъ раздѣлилъ весь приходъ между членами, возложивъ на нихъ, по желанію, по одному или нѣсколько домовъ для обхода и личнаго опроса семей запасныхъ. Этимъ путемъ изъ всего числа запасныхъ было выдѣлено до настоящаго времени до 125 семействъ, которымъ и оказывается денежная помощь отъ 15 до 3 рублей, однимъ — одновременно, нѣкоторымъ — повторно. Въ общемъ эта помощь выразилась уже въ суммѣ свыше 1200 руб.

(Продолженіе слѣдуетъ),

Памяти Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія.

Перепечатка писемъ воспрещается.

Письма Высокопреосвященнѣйшаго Антонія.

1 января 1883 года. Казань.

Милые мои родители.

Насталъ новый годъ. Теперь вечеръ. Побывавъ у всенощной, сию я теперь одинъ съ горькими думами о своей несчастной судьбѣ. Прошелъ злополучный для меня 1882-й годъ,

заклучившій мое бѣдственное десятилѣтнее семейное положеніе страшнымъ несчастіемъ, все продолжающимъ еще терзать мое измученное сердце. Съ каждымъ новымъ годомъ бывало ждешь для себя чего-либо хорошаго, съ свѣтлыми чаяніями смотришь на будущее,—и весело встрѣчаешь наступленіе новаго въ кругу товарищескомъ. Теперь не то. Чего мнѣ ожидать въ будущемъ? Все мое сокровище лежитъ въ землѣ сырой, всѣ мои радости были да прошли. Я бобыль, одинокій сирота. Долго ли, коротко ли, я проживу, и какъ буду жить — счастливо или несчастливо,—это меня теперь не занимаетъ. Смерть неизбежна. Умру—сиротъ не оставлю, а напротивъ—опять соединюсь съ своею семьею. Кому повѣмъ печали моя? Кругомъ всѣ веселы, всѣ настроены по праздничному,—а у меня грусть-тоска, какъ камень, давитъ сердце. Гласъ веселящихся меня не привлекаетъ, и я всѣ праздники почти безвыходно сижу дома. Самое дѣло теперь не увлекаетъ меня. Отъ занятій по редакціи отказался и сегодня всѣ денежные суммы передалъ своему преемнику. Нѣтъ энергіи возиться съ лишнею работою. Постараюсь съ большимъ усердіемъ вести свое преподавательское дѣло. Пусть мои слушатели замѣнятъ мнѣ семью. Ихъ вниманіе, успѣхи и усердіе доставятъ мнѣ, если заслужу, радость неизглаголанную.

Послѣднее Ваше письмо получилъ 20 дек. Вы сѣтуете на мое молчаніе. Но мною отвѣтныя письма посланы. Вы, повидимому, боитесь, какъ бы не замотался я съ горя. Нѣтъ, сохрани меня Богъ. Не тянетъ душу мою къ веселью. Въ смерти дѣтей я вижу что-то роковое для меня. Рука Господня на мнѣ. Богъ бдитъ надо мною. Я его было позабылъ, но Онъ помнитъ меня и напоминаетъ о Себѣ. Буди воля Господня на мнѣ. Скажи ми Господи путь, въ онъ же пойду. А я самъ—куда пристану, не знаю. Быть можетъ, еще вма-лѣ—и не будетъ у Васъ сына Александра, а вмѣсто него родится снова какой-либо другой... Пошли Вамъ Богъ всего лучшаго. Тетушку и Костю цѣлую.

Любящій Васъ сынъ Вашъ

Александръ Вадковскій.

Казань. 20 января 1883 г.

Дорогіе мои родители.

Часть мой насталь. Воля Всевышняго совершается и Ваше желаніе исполняется. Я перемѣняю образъ и родъ жизни: поступаю въ монашество. Вчера былъ у архіерея и окончательно условились о днѣ постриженія. Я желалъ было постричься 7 марта, чтобы до конца моей жизни сохранить воспоминаніе о днѣ моего постриженія вмѣстѣ съ днемъ Вашихъ, Папаша, имянинъ. Но архіерей не согласился на это число. Мое постриженіе будетъ, если Богъ дастъ дожить до него, въ пятницу на первой недѣлѣ, 4-го марта. О своемъ желаніи поступить въ монашество я говорилъ съ архіереемъ въ первый разъ 8 декабря. Онъ уже общилъ объ этомъ митрополиту Исидору и оберъ-прокурору Побѣдоносцеву. Оба въ отвѣтныхъ письмахъ выразили радость по поводу этого извѣстія. Благословите меня Вашимъ родительскимъ благословеніемъ на новый путь моей жизни и молитесь Богу, чтобы Онъ далъ мнѣ силы исполнить обѣты, которые я долженъ буду дать.

Итакъ простите. Вашъ сынъ Александръ умираетъ. Вмѣсто него будетъ другой, который такъ же горячо будетъ любить Васъ, какъ и прежній. Какое будетъ дано мнѣ имя, не знаю. Я говорилъ архіерею, что желалъ бы назваться именемъ высокопочитаемаго мною покойнаго казанскаго святителя Антонія. Исполнить или не исполнить мое желаніе будетъ зависѣть отъ архіерея.

Квартира мнѣ отводится въ архіерейскомъ домѣ, куда я и переѣду на первой недѣлѣ. Архіерей распорядился отдѣлать ее заново. У меня будетъ четыре комнаты: передняя, зальце въ два окна, кабинетъ и спальня. На каникулы мнѣ будетъ данъ отпускъ, и я приѣду къ Вамъ погостить, если конечно буду живъ.

Письмо Ваше отъ 23 декабря получилъ, а также и отъ Яши. Ему какъ нибудь соберусь отвѣтить.

Цѣлую Тетушку и Костю.

Любящій Васъ сынъ Вашъ
Александръ Вадковскій.

Казань. 14 марта 1883 г.

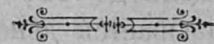
Дорогіе мои родители.

Изъ телеграммы, посланной мною на имя Яши, Вамъ уже должно быть извѣстно все, совершившееся со мною. Я теперь іеромонахъ Антоній. Живу въ архіерейскомъ домѣ. Квартира у меня очень чистенькая и веселенькая. Состоитъ изъ четырехъ комнатъ: передней залы, кабинета и спальни. Столъ отпускается мнѣ весьма хорошій, можно сказать роскошный, какого я при своемъ собственномъ хозяйствѣ имѣть не могъ. Прислуживаетъ мнѣ одинъ изъ послушниковъ архіерейскаго дома. Учусь теперь служить. Въ пятницу служилъ вмѣстѣ съ архіереемъ Литургію Преждеосвященныхъ даровъ. Вчера служилъ одинъ раннюю Литургію въ крестовой церкви. Въ слѣдующее воскресенье всенощную и литургію буду служить въ академической церкви.

Чувствую себя спокойнымъ и довольнымъ своею новою жизнію. Что будетъ далѣе, Богъ вѣсть.

Желаю Вамъ всего лучшаго. Цѣлую Тетушку и Костю.

Любящій Васъ сынъ Вашъ
Іеромонахъ Антоній.

СОДЕРЖАНІЕ:

Отдѣлъ **официальный**:—Распоряженія епархіальнаго начальства.—Отдѣлъ **неофициальный**:—Какимъ бы долженъ быть епархіальный органъ.—Отъ редакціи.—Великое сокровище.—Война и развлеченія.—Война и Петроградское духовенство.—Памяти Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Антонія.

Редакторы: { Прот. Е. Кондратьевъ.
Прот. І. Слободской.